

УДК 930

**МЕРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА КОНФЕССИИ
В БССР В 1921–1939 гг.****Н.В. ДОВГЯЛО****(Полоцкий государственный университет)**

Проанализированы мероприятия экономического воздействия на конфессии, из которых наиболее действенным и эффективным методом было налогообложение. Раскрывается сущность налоговой политики, которая развивалась по пути разграничения налогообложения религиозных объединений и служителей культа. Духовенство подлежало налогообложению по тем же ставкам, что и наиболее обеспеченные слои населения, несмотря на то, что не являлось таковым. Перегибы в вопросах налогообложения были связаны с действиями местных властей.

Ключевые слова: налогообложение религиозных объединений, духовенство, советская власть, меры экономического воздействия.

В комплексе административных мероприятий с начала 1920-х гг. стали также применяться меры экономического воздействия, из которых наиболее действенным и эффективным методом стало налогообложение. Налоговая политика развивалась по пути разграничения налогообложения религиозных объединений (налог со строений, страхование религиозного здания) и служителей культа.

Культовые помещения, построенные до 7 ноября 1917 г., а также перешедшие в фактическое владение местных органов власти до 1 августа 1922 г. (в присоединенных к БССР из состава РСФСР местностях до 22 мая 1922 г.), независимо от того, кем они были возведены, считались собственностью государства. Строения, состоящие в фактическом обладании служителей культа, в случае удостоверения судом факта возведения ими таковых на свои средства или законного приобретения, закреплялись за священнослужителем по соответствующему постановлению [1, с. 16]. Согласно постановлению ВЦИК и СНК РСФСР от 16 ноября 1922 г. культовые здания подлежали обложению налогом со строений. Размер общесоюзного налога со строений не должен был превышать 0,5% от стоимости храмового здания, а с 1924 г. – 1,8% от стоимости культового здания в год. Арендная плата за землю, находящуюся под храмом, была введена в 1923 г. Она исчислялась в соответствии с размером ставки, принятой в данном городском поселении для частновладельческих усадебных земель. Особое беспокойство верующих вызывала санкция, применяемая за просрочку долга, поскольку за неуплату налогов и сборов в течение 2 месяцев со дня истечения срока платежей местные органы власти имели право расторгнуть с группой верующих договор аренды культового имущества. В сельской местности земельные участки, находящиеся под зданиями религиозного культа, были освобождены от арендной платы (циркуляр № 115 НКЮста и народного комиссариата финансов от 5 сентября 1923 г). Однако на местах имелись случаи разного толкования этого циркуляра со стороны религиозных организаций и органов власти. Из-за невозможности уплаты налога религиозным объединением в 1923 г. в г. Витебске был закрыт Успенский собор и ещё несколько храмов, в г. Полоцке – Софийский сабор [2, л. 30].

Кроме этого, в соответствии с циркулярным письмом Наркомата юстиции РСФСР и Главного управления государственного страхования СССР от 13 марта 1924 г. храмы всех конфессий подлежали обязательному страхованию, другое богослужбное имущество могло быть застраховано добровольно. Ответственность за неисполнение обязательств по страхованию храмов была аналогична ответственности за неуплату налогов [3, с. 98]. Данный циркуляр был продублирован циркуляром НКЮ и Управления Госстрахования БССР от 1 апреля 1924 г. Распоряжением правления Госстраха БССР от 25 апреля 1925 г. была повышена оценочная стоимость религиозных зданий. Так, церковь, оцененная ранее в 17 тыс. руб., теперь оценивалась в 30 тыс. руб. (при отсутствии изменений в имуществе) [4, л. 113].

Духовенство облагалось подоходно-имущественным налогом (классным и по совокупности доходов). На местах определение совокупности дохода священнослужителей нередко осуществлялось без надлежащего учета, с грубейшими ошибками и не соответствовало реально получаемым доходам. В инструкции народного комиссариата финансов разъяснялось: «Обложению подоходно-поимущественным налогом подлежат также служители разных культов. Только те из них, которые не получают средств к существованию от своей профессии и не имеют других источников дохода, а находятся на полном иждивении религиозных общин, могут быть освобождены от обложения». Но на деле освобождение от уплаты налога, к примеру, сельских священников, действительно находящихся на иждивении религиозных общин, не осуществлялось. [5, с. 75]. Кроме подоходно-имущественного налога, священнослужители выплачивали сборы на нужды жилищного и культурно-бытового строительства, которые устанавли-

вались в размере от 9 до 24% от вмененного дохода от культовой деятельности. Помимо постоянных налоговых отчислений, советское государство требовало выполнения сельскими жителями, в том числе служителями культа, государственных поставок (участие в мясозаготовках, молокозаготовках, картофелезаготовках и т.п.). Сельские священнослужители, которые в своем хозяйстве имели корову, обязаны были сдавать государству молоко и мясо по нормам, установленным для кулаков. Если коровы в хозяйстве священника не было, то по нормам, установленным для единоличников. В случае просрочки выполнения государственной поставки необходимо было выплатить штраф в размере от 300 до 1500 руб. [6, с. 287]. Также правительством реализовывались облигации внутреннего займа, срок погашения которых составлял несколько лет.

Исходя из доклада уполномоченного и благочинного Мстиславского уезда Могилевской епархии за 1924 г., следует, что духовенство уезда было обложено несколькими налогами одновременно. Все сельское духовенство должно было выплачивать продналог на общих основаниях, причем сумма этого налога по многим приходам превышала 100 пудов хлеба. Кроме этого, духовенство выплачивало имущественно-подходный налог как служители религиозного культа в размере 18 руб. в год, прогрессивный налог – 7 руб. в год, мирской налог – до 10 руб. Плательщики имущественно-подходного налога также были обязаны приобрести одну облигацию внутреннего займа (5 руб.), а в дополнение к прогрессивному налогу – 2 облигации (10 руб.). Таким образом, каждому священнослужителю приходилось выплачивать от 65 до 75 руб. налогов [7, л. 3].

В 1924 г. Народный комиссариат финансов БССР обратился с циркулярами к финансовым органам, предлагая установить правильный и единообразный порядок обложения служителей культа и церковных зданий. При обложении подходным налогом служителя культа предлагалось исходить из размера действительных доходов священнослужителей. Указывалось, что для определения дохода необходимо использовать так называемые книги братских доходов. При рассмотрении декларации служителей культа считалось целесообразным приглашать в качестве свидетелей представителей от группы верующих. Учитывая данную рекомендацию, белорусский Священный Синод, в свою очередь, обратился ко всем епархиальным управлениям, духовенству и приходским советам с просьбой завести у себя братские книги для записи доходов, а в церквях – книги для записи прихода и расхода церковных сумм. По мнению руководства Православной Церкви, книги должны были вестись самым тщательным и добросовестным образом, так как являлись одним из главных, а в некоторых случаях единственным доказательством размера дохода [8, л. 1].

С особой осторожностью рекомендовалось подходить к обложению служителей культа «в сельской местности в беднейших местностях», чтобы не оценить доходы слишком высоко. При наличии у священнослужителей других доходов было запрещено принимать к учету те доходы, которые обложению не подлежат (например, занятие сельскохозяйственными промыслами).

При обложении церковных зданий в городских поселениях необходимо было учитывать именно доходность церквей, а не материальную стоимость здания. При тарификации дополнительной ренты с земельных участков необходимо определять доходность храма в зависимости от классового состава верующих, которым храм предоставлен в пользование [9, л. 7].

2 января 1925 г. народный комиссариат финансов СССР издал специальный циркуляр № 463 «Об обложении налогами церковных зданий и служителей культа». Этим циркуляром признавались факты злоупотреблений в налоговой сфере, особенно это касалось «национальных окраин». Указывалось, что подходным налогом облагается доход, уже обложенный единым сельхозналогом и поместным сбором. При обложении налогом церковные здания оцениваются по довоенным оценкам и общегубернским нормам для жилых помещений с применением повышенных коэффициентов. Ставки дополнительной ренты с земель, находящихся в пользовании служителей культа, иногда были увеличены до 100% [8, л. 2]. Исходя из вышесказанного, говорилось о необходимости принятия самых решительных мер «к пресечению произвольного обложения зданий культа и служителей культа всякого рода самочинными налогами и сборами, привлекая виновных в этом к ответственности». В циркуляре указывалось и на необходимость «подходить с вниманием и осторожностью к обложению служителей культов в сельских местностях, в беднейших приходах, чтобы не допускать переобложений». При обложении церковных зданий в городских поселениях предлагалось учитывать, что их стоимость не соответствует «возможности их доходного использования», а за основу оценки этих зданий можно было брать пониженную страховую стоимость. Циркуляром также предписывалось принимать во внимание «непосильность налога для отдельных групп верующих» и в случае необходимости разрешалось вводить те или иные льготы, «снижая процент обложения и дифференцируя ставки» [8, л. 2].

5 января 1930 г. за № 195 был издан очередной циркуляр народного комиссариата финансов СССР «О налоговом обложении религиозных обществ и молитвенных зданий». Молитвенные здания подлежали обложению местным налогом со строений на общих основаниях по установленной ставке. Взимание ренты за земельные участки, под которыми находилось молитвенное здание, производилось на общих

основаниях, неуплата в срок налога или ренты влекла за собой расторжение договора и конфискацию молитвенного здания. Кроме того, циркуляр отменял все ранее изданные распоряжения и разъяснения относительно налогового обложения религиозных обществ и предоставляемых им в бесплатное пользование молитвенных зданий [5, с. 75].

По отношению к духовенству в 1930 г. было издано постановление ВЦИК РСФСР «О налоговом обложении настоящих и бывших служителей культа», которое освобождало от сельхозналога всех бывших духовных лиц, снявших сан до 1 мая 1930 г. Также они освобождались от обложения подоходным налогом нетрудовых доходов, связанных с отправлением культа в 1930–1931 гг. [10, л. 17]. По доходам от сельского хозяйства налог на священнослужителей не должен был превышать налог крестьянина с таким же доходом больше чем на 100%. Кроме того, в постановлении говорилось, что священнослужители должны привлекаться к сельхоззаготовкам по нормам, установленным для единоличных хозяйств, а священники, чьи хозяйства имели «признаки кулацких хозяйств», подвергались соответствующим «кулацким» нормам обложения налогом.

19 февраля 1931 г. был издан циркуляр народного комиссариата финансов СССР за № 68, закрепивший новый порядок налогового обложения молитвенных зданий и служителей культа. В нем предписывалось устранить волонтаризм и «местное творчество». Впредь запрещалось до особого разрешения исполкома местного Совета опечатывание молитвенных домов и наложение штрафов и ареста на имущество членов религиозного общества за неуплату налогов в срок. Согласно циркуляру, религиозные общества должны уплачивать: а) страховую премию, б) местный налог со строений, в) ренту за землю. Страховая премия начислялась по страховой оценке молитвенного здания на 1928–1929 гг. Налог со строений и страховые взносы с молитвенных зданий исчислялись по оцененной сумме самого здания [5, с. 76].

Сумма, которую должны были заплатить верующие за храмы, была значительной. Так, общины Петро-Павловского кафедрального собора и Преображенского храма в г. Минске должны были заплатить государственный и местный налоги за 1929–1930 гг. в сумме: за собор – 849 руб. 91 коп., за храм – 280 руб. 67 коп. [11, л.16]. За аренду Романовичской церкви (Гомельский район) верующим первоначально была начислена сумма в 650 руб., после многочисленных жалоб в Комиссию по вопросам культов СССР сумма налога была пересчитана и составила 306 руб. 10 коп. [12, л. 89].

С 1933 г. начала действовать новая инструкция «О порядке обложения молитвенных зданий и служителей религиозного культа». В соответствии с ней религиозные общества, в бесплатное пользование которых предоставлены молитвенные здания, должны были уплачивать страховые платежи, местный налог на строения, ренту на землю под молитвенными зданиями. Страховые платежи исчислялись из действительной стоимости молитвенных зданий (учитывались цены на рабочие руки и строительные материалы, установленные для определенной местности, с учетом износа здания). В страховую оценку ее были включены украшения фасада и стен, стенная живопись, предметы религиозного культа, а также ограда. Местный налог на строение и рента на землю под религиозным зданием исчислялись на общих основаниях по ставке, установленной местным советом. В случае неуплаты страховых платежей исполком должен был принять решение о расторжении договора на пользование религиозным зданием. В случае заключения договора с другим религиозным обществом молитвенное здание передавалось только при условии уплаты всей задолженности.

Но при этом страховые суммы за выгоревшие церковные строения не выплачивались группе верующих по причине того, что они не являлись собственниками церкви, а только арендаторами. Страховые суммы передавались местным Советам для зачисления в местный бюджет. Так, например, в Рогачеве страховые суммы за сгоревший молитвенный дом в размере 1200 руб. были использованы для ремонта культурных учреждений «Дворца труда» и «Дома союзов» [13, л. 24].

Налогообложение служителей религиозного культа должно было производиться с соблюдением следующих правил: при обложении сельскохозяйственным налогом доходы хозяйства священнослужителя исчислялись по нормам, установленным для единоличных хозяйств, и не должны были превышать их более чем в 2 раза; доходы, связанные с отправлением культа, определялись по нормам, установленным для отдельных местностей и различных категорий служителей культа [14, л. 59].

Однако все попытки упорядочить налогообложение служителей культа встречали сопротивление на уровне местной власти. Доход, полученный от культовой деятельности, как правило, завывшался. Налоги, уплачиваемые сельскими священниками, устанавливались исходя из дохода в 1000–3000 руб. в год, а то и выше, хотя реальный доход был примерно 400–700 руб. в год [6, с. 285.]. Многочисленные жалобы священнослужителей дали основание члену президиума ВЦИК П. Смидовичу, обращаясь к наркому финансов СССР, писать следующее: «Налоговое обложение священнослужителей проходит на местах в порядке сплошного издевательства, несмотря на предпринимаемые меры. На этой почве дела доходят до самоубийства. Неизбежна определенная реакция со стороны верующих» [15, л.22].

В докладной записке об искривлениях, допущенных в церковном вопросе по Белоруссии от 14 апреля 1930 г., отдельным пунктом было названо переобложение духовенства. Вновь было обозначено, что

при определении доходности и налоговых ставок не учитываются реальные доходы священнослужителя. Подобные случаи были зафиксированы в Витебском округе, что привело к тому, что на весь округ осталось 15 православных священников, 30 человек были осуждены как «злостные налогонеплательщики». Некоторые священнослужители были подвергнуты раскулачиванию, несмотря на отсутствие у них сельского хозяйства [16, л. 5]. Непосильное налогообложение являлось и причиной снятия сана. В 1929 г. только в одной Гомельской епархии 9 православных священников сняли сан по причине «непосильственных налогов» [17, л. 5]. В среднем священнослужителю приходилось выплачивать около 80 руб. налога.

Тем не менее верующих не пугали огромные налоги, которые они должны были платить за пользование церковью. Так, в местечке Яновичи Суражского района 10 марта 1934 г. была открыта единственная действующая в районе церковь. Члены церковного совета и крестьяне ближайших деревень снимали квартиру с отоплением для священнослужителя, платили ему пенсию в размере 75 руб. и выплачивали за него все налоги, которыми он облагался. С 10 марта по 1 августа 1934 г. церковным советом было выплачено различных налогов и за церковь, и за священника 11 тыс. руб. [18, л. 14].

5 мая 1935 г. ЦИК СССР принял новое постановление «О порядке обложения служителей культа и молитвенных зданий», которое изменило ставки налогообложения духовенства. Определение норм доходности служителей культа в городе и в деревне перешло в ведение исполнительных комитетов. Законодательно были закреплены пределы установления доходности духовенства по СССР: не ниже 2 тыс. руб. годового дохода и не выше 8 тыс. руб. Эти ставки налогообложения действовали до начала Великой Отечественной войны [6, с. 292].

На основании постановления ЦИК БССР 1937 г. «О порядке обложения денежными налогами служителей культа и молитвенных зданий» предусматривалось «установить с 1 июля 1937 г. со всех доходов (в том числе и доходов от сельского хозяйства) служителей культа взимание подоходного налога и сбора на нужды жилищного и культурно-бытового строительства по ставкам и в порядке, установленном постановлением ЦИК И СНК СССР для лиц, имеющих нетрудовые доходы» [1, с. 18].

С принятием постановления ЦИК и СНК СССР «О самообложении сельского населения» от 11 сентября 1937 г. служители религиозного культа, проживающие в сельской местности, привлекались к участию в самообложении сельского населения в размере 150 руб. [6, с. 286].

Таким образом, административное и экономическое давление являлось механизмом для ограничения религиозной активности граждан. Регистрация религиозных объединений, по сути, представляла собой регистрацию граждан по конфессиональной принадлежности, в результате чего органы советской власти получали информацию о религиозности населения и о положении конфессии. Налоговая политика Советского государства разграничивала налогообложение религиозных объединений и служителей культа. Духовенство подлежало налогообложению по тем же ставкам, что и наиболее обеспеченные слои населения, несмотря на то, что не являлось таковым. Перегибы в вопросах налогообложения были связаны с действиями местных властей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Опиок, Т.В. Конфессиональная политика в БССР в 1920–1930-е годы : учеб.-метод. материалы / Т.В. Опиок. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2011. – 101 с.
2. Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Ф. 332. Оп.1. Д. 3.
3. Государство и церковь : сб. узаконений, постановлений и распоряжений НКЮ и НКВД по отделению церкви от государства. Необходимое пособие для адмработников города и деревни, УИК'ов, ВИК'ов, сельсоветов и коллективов верующих / сост.: В.С. Ломовцев, А.И. Бунтиков и П.Н. Сеницын. – Саратов : Адм. отд. Саргубисполкома, 1925. – 138 с.
4. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 2786. Оп. 1. Д. 237.
5. Цыремпилова, И.С. Экономический фактор в системе государственной антирелигиозной политики в 1920–1930-х гг. (на материалах православных общин Байкальского региона) / И.С. Цыремпилова // Власть. – 2011. – № 9. С. 74–77
6. Петюкова, О.Н. Правовые формы отношений Советского государства и Русской Православной Церкви в 1917–1945 годах / О.Н. Петюкова. – М. : ЮНИТИДАНА, 2012. – 350 с.
7. НИАБ. – Ф. 2786. Оп. 1. Д. 18.
8. НИАБ. – Ф. 2786 Оп. 1. Д. 45.
9. НИАБ. – Ф. 2786. Оп. 1. Д. 8.
10. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. Р5263. Оп. 1. Д. 6.
11. НИАБ. – Ф. 2786. Оп. 1. Д. 469.
12. ГАРФ. – Ф. Р5263. Оп. 1. Д. 62.
13. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 6. Оп.1. Д. 1661.
14. ГАРФ. – Ф. Р5263. Оп. 1. Д. 27.

15. ГАРФ. – Ф. Р5263. Оп. 1. Д. 7.
16. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 5030.
17. НИАБ. – Ф. 2786. Оп. 1. Д. 404.
18. НАРБ. – Ф.261. Оп. 1. Д. 27.

Поступила 21.12.2017

**MEASURES OF ECONOMIC IMPACT ON THE CONFESSION
IN THE BSSR IN 1921-1939**

N. DAUHIALA

The measures of economic impact on confessions, of which the most effective and effective method was taxation is analyzed in the article. The essence of the tax policy that developed along the way of differentiating the taxation of religious associations and clergy is revealed. The clergy were subject to taxation at the same rates as the most well-off strata of the population. The excesses in matters of taxation were connected with the actions of local authorities

Keywords: *the taxation of religious associations, clergy, the Soviet authorities, measures of economic impact.*